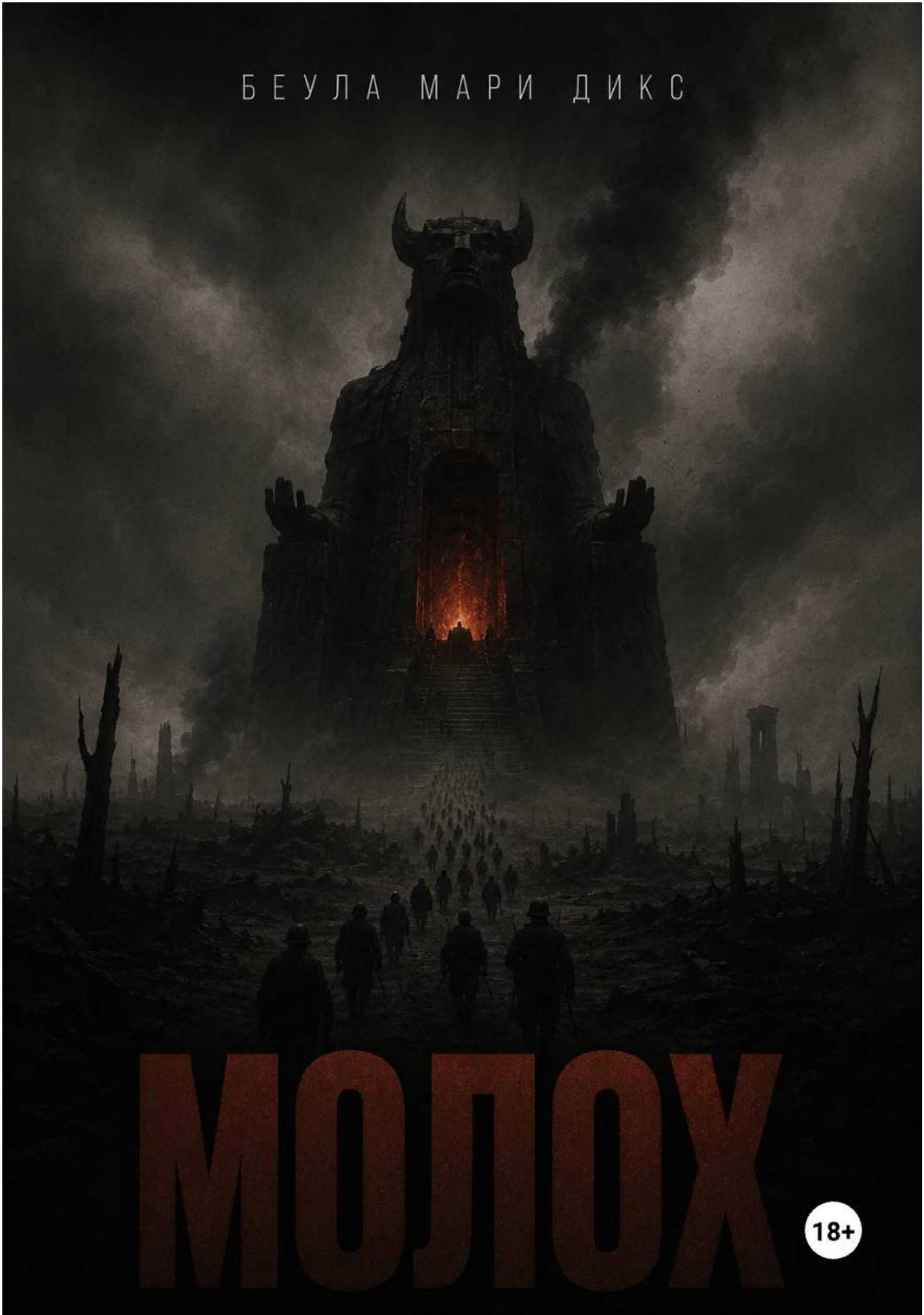
БЕУЛА МАРИ ДИКС

МОЛОХ

18+

Беула Мари Дикс

МОЛОХ. Пьеса о войне в трёх действиях

«Автор»
2026

Дикс Б.

МОЛОХ. Пьеса о войне в трёх действиях / Б. Дикс — «Автор», 2026

«Молох» — антивоенная пьеса Беулы Мари Дикс, написанная в разгар Первой мировой войны (1915). Название отсылает к древнему божеству, которому приносили в жертву детей. В центре сюжета — семья, которую война ломает за четыре акта и эпилог: от идиллии цветущего сада до руин, инвалидности, пыток и нового марша.Предлагаемый перевод — не буквальный. Это тёмная адаптация: витиеватые монологи заменены рублеными фразами, пафос — отчаянием, объяснения — действием. Сохранены все персонажи и сюжетная канва, но язык стал жёстче, современнее, безжалостнее. Читатель получает не мелодраму, а холодный, почти нуарный взгляд на войну — без глянца и ложного героизма. Только грязь, кровь и марш, которому нет конца.

© Дикс Б., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пьеса о войне в трёх действиях 6
Тёмная адаптация 6
Пьеса о войне в трёх действиях 8
ПРОЛОГ 9
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Беула Мари Дикс
МОЛОХ. Пьеса о войне в трёх действиях

Дисклеймер

Данное художественное произведение содержит контент, предназначенный для взрослой аудитории (18+). В тексте присутствует ненормативная лексика, а также сцены и упоминания употребления алкоголя и наркотических веществ.

Всё это является частью художественного замысла и служит для раскрытия сюжета и персонажей. Автор и издательство не пропагандируют подобные действия и не одобряют их в реальной жизни.

Все события и персонажи являются вымышленными, любые совпадения с реальными людьми или событиями случайны.

Берегите себя и своих близких.

Пьеса о войне в трёх действиях

Тёмная адаптация
От редактора

Уважаемый читатель.

Перед вами не обычный перевод. Это тёмная адаптация пьесы Беулы Мари Дикс «Молох» (1915), написанной в разгар Первой мировой войны.

Почему «тёмная»? Потому что война — это не романтическая баллада. Это грязь, кровь, боль, бессонница, цинизм и отчаяние. Мы хотели, чтобы язык пьесы отражал это. Никаких витиеватых монологов. Никакого фальшивого героизма. Только рубленые фразы, только необходимое, только то, что человек мог бы сказать, стоя на коленях в луже крови или сжимая в руках детскую варежку.

Что вы найдёте в этой пьесе?

- Пролог — идиллия, которая вот-вот рухнет. Разговор о Молохе звучит как пророчество.
- Акт I — мобилизация. Уходят мужчины. Рушатся любовь и дружба.
- Акт II — оккупация. Ужас, голод, предательство. Смерть ребёнка. Смерть Лейтенанта. Смерть Марты. Сожжённый дом.
- Акт III — фронт. Встреча мужа и жены. Пытка. Самоубийство. Расстрел мальчика, который отказался убивать.
- Эпилог — «плоды победы». Руины. Инвалидность. Ненависть. И снова марш. Снова война.

Что мы просим вас понять: Эта пьеса не о победе. Она о поражении. О том, как война убивает в человеке человеческое. О том, что «плоды победы» — это пустота.

Дикс написала эту пьесу в 1915 году, когда война только начиналась. Она не знала, что будет продолжаться ещё три года и унесёт миллионы жизней. Но она уже всё поняла. Мы лишь усилили то, что она сказала.

Редактор

Апрель 2026

Пьеса о войне в трёх действиях
Действующие лица

- Человек — Роберт
- Его жена — Кэтрин
- Его сын — Роланд
- Его мать — Лидия
- Его сестра — Гертруда
- Его брат — Базиль
- Его дядя — Профессор
- Его служанка — Марта
- Его друг — Филип
- Лесной парень
- Девушка — Фрэнсис
- Другая девушка — Маргарет
- Маленький мальчик — Томас

Соотечественники: майор, адъютант, сержант, ещё сержант, солдаты.
Иностранцы: майор, лейтенант, капрал, рядовые.

Пролог — Перед войной. Загородный дом.
Акт I — Мобилизация. Городской дом.
Акт II — Вторжение. Городской дом.
Акт III — Битва. На линии огня.
Эпилог — После войны. Загородный дом. Плоды победы.

ПРОЛОГ

Загородный дом, когда-то крепкая ферма, потом переделанная в усадьбу. Место обветшалое, но уютное, обжитое. Стены гостиной обшиты тёплым коричневым деревом, выше — штукатурка. По стенам — охотничьи гравюры и батальные сцены. Потолок с балками. Справа — большой камин, над ним трофейное оружие. На каминной полке — пара старомодных металлических подсвечников и серебряный кубок приличных размеров. В камине тихо горит огонь. По обе стороны от камина — двери. Та, что ближе к задней стене, ведёт в гардеробную, та, что ближе к авансцене — во внутренние комнаты. Слева — дверь на кухню. В глубине — двустворчатая наружная дверь на кирпичную террасу, за которой угадывается сад. За балюстрадой — весенняя сельская местность: поля, фруктовые деревья в цвету, а вдали — колокольня маленькой церкви и крыши мирной деревушки. По сторонам от главной двери — окна-створки. Левые превращают просторный угол комнаты в огромный эркер с чуть приподнятым полом и обитым подушками сиденьем. Мебель простая, массивная, добротная: якобинская скамья под прямым углом к камину, сундук под окнами справа, откидной стол в центре, тяжёлый письменный стол слева с курительными принадлежностями, лампой, корзиной для рукоделия. В эркере — маленькая подставка, на ней миска с золотыми рыбками. Обычный набор удобных, добротных стульев.

Май, закат.

В эркере при угасающем свете сидит Профессор — учёный и несколько самоуверенный господин семидесяти лет, с морщинистым, не лишённым доброты лицом и белыми волосами. Книги разбросаны вокруг, золотые рыбки — под боком. Его сестра Лидия, за шестьдесят, но прямая и живая, сидит на скамье, раскладывает пасьянс за маленьким столиком. На ней кружевная наколка, платье из сливового бархата чуть-чуть не по моде. У сундука Кэтрин медленно и бережно расставляет цветы по двум низким вазам — человек, который любит цветы и уважает их. Ей около тридцати. Тип, который за неимением лучшего слова называют мадонной: рождённая быть матерью всему, что видит, но с добротой, приправленной спасительным чувством юмора. На ней мягкое серое домашнее платье. На полу слева на коленях Роланд — на голове картонный солдатский кивер, играет с оловянными солдатиками, выстроенными в шеренги, и игрушечной пушкой. Ему шесть или семь лет, такой мальчуган, которым любая мать могла бы гордиться. Он заговаривает, когда занавес поднимается.

РОЛАНД. Ба-бах! (Сбивает солдатиков.) Видишь, мамочка, наши убили всех иностранцев.

КЭТРИН. Зачем ты хочешь их убивать, сынок?

РОЛАНД. Потому что они иностранцы.

КЭТРИН. Роланд!

ЛИДИЯ. Оставь мальчика в покое! Ты бы предпочла, чтобы он играл в куклы?

РОЛАНД. Я буду полковником, как мой дедушка. Он убивал гадких иностранцев, правда, мамочка?

КЭТРИН (ставит цветы на центральный стол). Это было очень-очень давно. Сейчас мы в мире со всем миром. Мы всегда будем в мире.

ПРОФЕССОР. Ты видела газеты?

КЭТРИН (ставит цветы на письменный стол). Конечно нет. Со вчерашнего дня. Но кому какое дело до того, что они печатают? (Садится за стол, берёт шитьё.) Цивилизованные нации не воюют друг с другом.

С террасы быстро входят Гертруда и Базиль, оба в походной одежде. Ей чуть за двадцать, порывистая, страстная и очаровательная. Ему около семнадцати — выправка и властная манера выдают военного кадета. У обоих в руках газеты.

БАЗИЛЬ. Здорово, народ! Мы принесли газеты.

ПРОФЕССОР (взволнованно поднимаясь). Ну-ну-ну!

БАЗИЛЬ (даёт ему газету). Вчерашние. Какие смогли достать. (Бросает фуражку на сундук.)

ГЕРТРУДА. Пришлось топать аж до Угла. Ну и везение — застрять в этой дыре, в ста милях от цивилизации, в такой момент! (Бросает газету на стол.)

ЛИДИЯ. Тише! Скажи, есть новости?

Гертруда вешает пальто и шляпу в гардероб.

БАЗИЛЬ. Ещё какие.

ПРОФЕССОР (читает газету). Ультиматум! Ну-ну!

КЭТРИН (встревоженно, но лишь на мгновение). Ультиматум!

ПРОФЕССОР. Возмутительно! Нагло!

Кэтрин снова берётся за шитьё.

БАЗИЛЬ. Они думают, мы сдадимся, только потому, что мы не разгуливаем с револьверами наперевес. Но когда дойдёт до дела — мы им покажем.

ПРОФЕССОР. Да. Когда наша великая нация наконец проснётся —

БАЗИЛЬ. Да я бы поставил на одного нашего парня с голыми кулаками против двоих этих заморских Джонни с винтовками.

ГЕРТРУДА (подходит к камину). Ради бога, говори по делу!

ПРОФЕССОР. Позвольте надеяться, вы не сомневаетесь в духе и мужестве ваших соотечественников?

ГЕРТРУДА. Нет. Но вы все ошибаетесь в одном — сомневаетесь в духе и мужестве чужих соотечественников.

ЛИДИЯ. В смысле —

ГЕРТРУДА. Иностранцы такие же храбрые, как мы.

БАЗИЛЬ. Да брось!

ГЕРТРУДА. Если начнётся война, они будут драться не хуже нас.

ПРОФЕССОР. Тьфу! (С отвращением удаляется в эркер со своей газетой.)

ГЕРТРУДА. И они готовы к драке. У них пушки крупнее наших, взрывчатка, про которую мы даже названий не слышали. Фил говорит —

БАЗИЛЬ. Ах, это ты нам подсовываешь Филовы речи.

ГЕРТРУДА (подходя к нему). Да, и это разумные речи.

БАЗИЛЬ. Ну, должен сказать, я считаю —

ЛИДИЯ. Дети! Дети!

В дверях появляется Роберт — симпатичный парень лет тридцати с хвостиком, лучший образец, пожалуй, помещика или сельского сквайра. В деревенской одежде, видно, только что обходил поля.

РОБЕРТ. Привет! Так война уже и здесь разразилась, а?

РОЛАНД (подбегает к нему). Папа!

БАЗИЛЬ. Труди принялась цитировать Фила.

ГЕРТРУДА. А Базиль нелеп. (Уходит к правому окну.)

ЛИДИЯ. А твоя мать, полагаю, тоже нелепа.

РОБЕРТ. Ладно, ладно! Конечно, нет. Почта приходила?

КЭТРИН. Тот мост до сих пор не починили.

БАЗИЛЬ. Всё ещё отправляют в обход Угла, когда вообще отправляют. (Выходит на террасу, закуривает.)

РОБЕРТ. Хм. Надеялся, придут вести о новом культиваторе. (Идёт к курильному столику, берёт трубку.)

Роланд возвращается к игрушкам.

КЭТРИН. Фил зашёл с вами?

РОБЕРТ. Нет. Остановился у егеря. Похоже, у ребёнка коклюш или что-то в этом роде.

ГЕРТРУДА. Ты шёл через десятинное поле? (Садится за центральный стол.)

РОБЕРТ. Да. В этом сезоне можно снять с него второй урожай. Знаешь, это здорово помешает нам с удобрениями, если дураки втянут нас в войну.

КЭТРИН. О, но они не втянут.

РОЛАНД. Папа, починишь моего солдатика?

РОБЕРТ. Конечно! Был в самой гуще битвы, да? Дай клей, сынок. (Садится за центральный стол.)

КЭТРИН. Держи, Роланд. (Даёт ему тюбик клея с письменного стола.)

РОЛАНД. Спасибо! Держи, папа.

РОБЕРТ. Так! (Чинит солдатика, Роланд прижимается к его колену.) Бедный старина! Лишился обеих ног, да? Вот чего твой дядя Базиль жаждет с тех пор, как стал кадетом. Вылезти и с кем-нибудь подраться, с любым, и вернуться домой по частям. (Поднимает взгляд на Базиля.) А, малыш?

БАЗИЛЬ. Великое дело — сидеть и посмеиваться, когда твоей стране угрожают.

РОБЕРТ. О, я на своём веку пережил две большие военные истерии. Мать — с полдюжины.

ЛИДИЯ. И две войны, помни.

ПРОФЕССОР. Ты отдаёшь себе отчёт, Роберт, что нам предъявили ультиматум?

РОБЕРТ. Никогда не смотрел на двух собак, которых разделяет забор? Носятся, лают, готовы разорвать друг друга — и вот они у открытых ворот, могут добраться. Тогда хвосты поджимают — и по домам. Так будет и в этот раз. Мы будем рычать друг на друга, пока дело не дойдёт до драки, а потом здравый смысл среднего гражданина —

Роланд возвращается к игрушкам.

КЭТРИН. Я то же самое твержу. Как будто люди сейчас могут воевать!

ЛИДИЯ. Чепуха! Мужчины всегда воевали. Всегда будут воевать. Разве в Библии не сказано: «Не мир пришёл Я принести, но меч»?

КЭТРИН. Да. А ещё там сказано: «Будьте в согласии с соперником»?

ПРОФЕССОР (поднимаясь, с досадой). Дорогие мои дамы, эти старые христианские легенды тут совершенно ни при чём. Позвольте вам объяснить —

КЭТРИН. Роланд! Беги, принеси хлеба для дядиных золотых рыбок. Беги! Роланд выбегает слева. Теперь я знаю, ты сейчас скажешь что-нибудь варварское.

ЛИДИЯ. Варварские выдумки! Просто здравый смысл.

ПРОФЕССОР. Благодарю вас, моя дорогая сестра. Как я собирался сказать, если вы прочитаете мой компендиум по международным отношениям —

РОБЕРТ (поднимается). Читали! (Идёт к гардеробу, достаёт верёвку и чинит игрушку.)

ПРОФЕССОР. Вы поймёте, что войны — это результат великих народных движений, над которыми отдельные люди не властны. Как учёный и философ, я должен полагать —

Роланд снова вбегает.

РОЛАНД. Теперь я могу покормить рыбок, дядя?

ПРОФЕССОР. Да, да. Как я говорил — не торопись, малыш! Не так быстро! Вот так! Помедленнее. Я хотел заметить, что войны в конечном счёте работают на благо человечества.

БАЗИЛЬ. Ничто так не точит нацию, как война.

ПРОФЕССОР. И не только воинские доблести стимулируются — литература и наука возрождаются и расцветают.

КЭТРИН. В окровавленной почве?

ПРОФЕССОР. Многие из вас, милые женщины, видят в войне лишь боль и страдания, которые являются всего лишь побочным эффектом.

ЛИДИЯ. Это сентиментальная точка зрения.

Роланд в эркере берёт и рассматривает одну из дядиных книг.

ПРОФЕССОР. Я совершенно серьёзно полагаю, что мы накануне конфликта.

РОБЕРТ. Те, кто говорит, как вы, делают всё, чтобы втянуть нас в него.

БАЗИЛЬ. Если они хотят драки — пусть получат, я говорю!

ГЕРТРУДА. О, имей хоть какой-то гонор, если уж тебе так нужно. Но будь готов к тем, кто попробует его сбить.

ЛИДИЯ. Эти разговоры о готовности — сущее богохульство.

РОБЕРТ. Сильное выражение, мама.

ЛИДИЯ. Наша страна выигрывала каждую войну в своей истории. Разве это не доказывает, что Бог на нашей стороне? И если Бог за нас —

Роберт снова садится за стол.

ПРОФЕССОР. Национальная судьба. Я, например, полагаю, что эта война не только неизбежна, но и желанна.

РОЛАНД (подходит к матери с раскрытой книгой). О мамочка! Что это за ужасная картинка? Он же заживо ест людей.

КЭТРИН. Дай посмотреть, сынок! (Берёт книгу.) «Заставляли детей своих проходить через огонь к Молоху».

РОЛАНД. Кто такой Молох, мамочка?

КЭТРИН. Их бог, мальчик. Они отдавали ему детей на

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.